

Эволюція нації и революція

Ходячее противопоставленіе «Революціи» «Эволюціи», при которомъ подъ «эволюціей» подразумѣвается «постепенное» или «нормальное» развитіе (причемъ не дается опредѣленія, что-же собственно такое «нормальное» развитіе), а подъ «Революціей» его «перерывъ», безсодержательно и бесплодно. Кто не идетъ дальше такого, въ сущности чисто вербальнаго, опредѣленія «эволюціи», тотъ и «революцію» сводитъ къ ея внѣшнимъ признакамъ, не видя того, что за ними кроется. «Революцію» онъ опредѣлитъ въ лучшемъ случаѣ формально-юридически, какъ «перерывъ легальности» или что-либо подобное. Но исторія есть психическій процессъ, эволюція есть смѣна переживаемыхъ общественнымъ сознаниемъ идей, смѣна міросозерцаній, и кто стремится къ постиженію исторической реальности, неминуемо приходитъ къ вопросу: что такое Революція, какъ моментъ такого психического процесса? Какъ именно смѣна идей обуславливаетъ ее собою и какъ она, въ свою очередь, вліяетъ на идейное движеніе? Эволюція всякой культуры протекаетъ три основныхъ стадіи: религіозную (или «поэтическую», какъ удачноѣ Ог. Конта выразался Вико), метафизическую и позитивистическую. Каждой стадіи соотвѣтствуетъ своя концепція и своя структура Государства и Общества. На первой стадіи — полная конкретность (срѣщенность) міровоспріятія. Все во всемъ, все имманентно всему, все символизуется всѣмъ. Богъ, «его» земля, «его» народъ соединены неразрывной связью, болѣе того: они — одно и носятъ одно имя. Аѳина, Аѳины, аѳиняне. «Поэтическое» мышленіе не только абсолютно конкретно и сплошь символично: оно вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ и абсолютно вещно. Изначальное единство народа, нації воплощено въ одномъ лицѣ. «Поэтическое» государство это — царство, вѣрнѣе — самъ Царь (который вмѣстѣ и богъ). Разумъ и во-

ля Царя-бога (его «слово») есть разумъ и воля Народа — ибо «внѣ» Царя нѣтъ народа, не мыслится, не воспринимается сознаниемъ народъ. Правильное отправленіе національно-государственной жизни выражается въ системѣ символическихъ дѣйствій, въ культѣ, въ церемоніалѣ, малѣйшее упущеніе въ которомъ грозитъ величайшими бѣдствіями.

Слѣдующая стадія — метафизическая. Новое міровоспріятіе и новое мышленіе отвлекають, оцѣнивають Разумомъ, пренебрегаютъ вещной символикой. Соблюденіе привычной формы волеизъявленія уже не является непреложнымъ и единственно-мыслимымъ свидѣтельствомъ того, что выраженная воля есть подлинно воля Цѣлаго. Цѣлое продолжаетъ мыслиться абсолютно единымъ, и это абсолютное единство продолжаетъ мыслиться реальное сущимъ. Но его «подлинная» сущность отвлекается Разумомъ отъ его эмпирическаго быванія, отъ традиционной символики національной жизни. Общая воля должна быть усмотрѣна Разумомъ. Республика, управляемая «философами» — таковъ Идеалъ, къ которому тяготѣетъ общество, переживающее метафизическую стадію развитія Духа.

Стадія позитивизма (вѣрнѣе критическаго монизма) характеризуется освобожденіемъ отъ до-критическаго разграниченія даннаго, «бывающаго». Общая воля не «есть», она непрестанно «становится», и она существуетъ не «внѣ» и не «надъ» отдѣльными волями, а въ нихъ и только въ нихъ. Демократія, основанная на состязаніи воли и мнѣній, на дискуссіи, — такова форма, являющаяся единственно возможной на этой стадіи.

Отмѣчу сразу-же различные оттѣнки отношенія между формой общественно-государственнаго быта, свойственной каждой стадіи развитія культуры, и этой стадіей. Въ стадію до-критическаго монизма («поэтическую») Государство нацѣло совпадаетъ со своимъ идеальнымъ образомъ. Въ стадію метафизическую (дуалистическую) реальное государство тяготѣетъ къ своему идеальному (умопостигаемому) образу (въ предѣлѣ это, конечно, демократія, въ которой всѣ граждане — «философы»). Въ стадію критическаго монизма государство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ демократіей. Демократія есть «matter of fact» и вѣчный неизбывный ком-

происсъ между индивидуальными воленіями, столь же «реальными», какъ и вѣчно рождающаяся и вѣчно умирающая въ процессѣ ихъ борьбы «общая» воля.

Въ обществѣ небольшомъ по занимаемой имъ площади, по числу его сочленовъ, простомъ по общественной структурѣ, смѣна стадій культуры совершается болѣе или менѣе равномерно и одновременно во всѣхъ слояхъ. Поэтому здѣсь революціи, въ такихъ обществахъ (античныя республики, средневѣковыя общины), происходящія иногда весьма часто, къ эволюціи, въ строго-научномъ смыслѣ этого слова, никакого отношенія просто-на-просто не имѣютъ. У «тучныхъ» и у «тощихъ», у «худородныхъ» и у «помнящихъ отца», у «старшихъ» цеховъ и у «младшихъ» — одно міросозерцаніе, одинъ и тотъ же идеалъ. Смѣна социальныхъ классовъ у власти такъ же не сопровождается никакимъ психологическимъ «сдвигомъ», какъ смѣна одного мексиканскаго президента или одного китайскаго генерала другимъ. Въ этомъ отношеніи подобныя революціи ничѣмъ не отличаются отъ «дворцовыхъ» революцій (*révolution de palais*), какъ въ XVIII вѣкѣ именовались династическіе перевороты въ деспотіяхъ.

Иное дѣло — большія національныя государства новаго міра. Здѣсь различія между Селомъ и Городомъ, между образованными классами и Народомъ, — не въ степени только, не въ уровнѣ, но и въ стадіяхъ развитія. Расхожденіе между отдѣльными слоями можетъ быть здѣсь въ этомъ отношеніи весьма значительнымъ. «Общество» можетъ уже давно находиться въ позитивистической стадіи развитія, тогда какъ Народъ, живущій сельскимъ бытомъ, еще не изжилъ «поэтическаго» міросозерцанія. Здѣсь смѣна у власти социальныхъ слоевъ (а въ этомъ вѣдь и состоитъ Революція) можетъ сопровождаться, уже въ силу одного этого, глубочайшими психологическими «сдвигами», и поэтому роль Революціи въ процессѣ эволюціи и Націи, какъ сложнаго культурнаго цѣлага, представляетъ собою проблему первостепенной важности и чрезвычайной трудности.

Намѣчу главные пункты этой проблемы.

Всѣ великія національныя государства нашего культурнаго міра пережили революціи. Англія -- въ 1641 - 49 годахъ (вторая — «достославная» Революція была лишь окончательнымъ подведеніемъ политическихъ итоговъ

«великаго мятежа» середины XVII в., и не затронула сама по себѣ сколько-нибудь глубоко народной жизни), Франція — въ 1789 и слѣд. годахъ (революціи XIX в. справедливо считаются французами «исходомъ» Великой Революціи), Россія въ 1905 и 1917 г. г. (причемъ и Революцію 17 года можно считать прямымъ продолженіемъ только загнанной внутрь, но не изжитой революціи 1905 г.), Германія въ 1918 г., Италія — въ 1922 г. Кромѣ фашистской итальянской революціи, всѣ остальные были направлены противъ традиціонной, первобытной, хотя и значительно видоизмѣнившейся — въ каждомъ государствѣ по иному — власти. То, что именно эта власть въ національномъ государствѣ становится объектомъ революціоннаго насилія, что именно съ нею, иначе какъ путемъ революціи, справиться бываетъ невозможно и что вообще въ какой-то моментъ съ нею оказывается необходимымъ «справиться», — не есть какая-либо случайность. Это коренится во внутренней природѣ традиціонной власти, монархіи, Царства. Согласно старинной теоріи, всякая государственная форма «вырождается» и «портится». Формы сами по себѣ, однако, не могутъ «портиться». «Вырожденіе» режимовъ есть не что иное, какъ результатъ общаго культурнаго процесса. Въ условіяхъ все возрастающей рационализациі жизни Царство постепенно становится анахронизмомъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ режимовъ режимъ монархіи является наименѣ гибкимъ, наименѣ способнымъ приспособляться и слѣдовать за жизнью. По самой его природѣ его культъ, его церемониальность играютъ въ его функціонированіи первостепенную роль. Вся обрядовая сторона монархіи, для общества рано или поздно утрачивающая всякій смыслъ, въ сознаніи самого носителя власти, воспитаннаго въ специфической атмосферѣ Дворца, продолжаетъ сохранять свое значеніе не только главнаго элемента государственной жизни, но и непреложнаго залога незыблестности со всѣхъ сторонъ подточеннаго и подгниваемаго строя. Рано или поздно первоначальная цѣлостная Нація, связанная съ Царемъ общимъ культомъ, разслаивается: изъ народной массы выдѣляется Общество, постепенно выходящее изъ поэтической стадіи. На послѣдней пребываетъ еще только народъ, но народъ отдѣленъ отъ Царя и его окруженія толщей промежуточныхъ классовъ, и эта разобщенность становится роковою для Царства и для Царя. Царь обраща-

ется въ «перваго дворянина», и народъ перестаетъ узнавать въ немъ с в о с г о Царя. Въ концѣ концовъ въ Народѣ начинается пробиваться смутная идея народнаго царства — безъ царя. Когда народъ узналъ, что нѣтъ болѣе Государя Императора, а есть полковникъ Николай Романовъ, онъ «пріялъ» это, какъ «пріялъ» и французскій народъ вѣсть о томъ, что нѣтъ болѣе богоданнаго Людовика XVI, а есть гражданинъ Людовикъ Капетъ, «бывшій тиранъ». И Царь, въ критическій моментъ, оказывается неспособнымъ на то, что совѣтовалъ Людовику Мирабо. Ибо онъ не знаетъ, гдѣ народъ, что такое народъ. Послѣдній самодержецъ, должно быть, вполне серьезно повѣрилъ, что русскій народъ — это тѣ самые охотнорядцы, охранники, нѣмцы съ русскими душами и бессарабскіе помѣщики, которые поднесли ему — знакъ Союза Русскаго Народа.

Поскольку Революція въ Національномъ Государствѣ есть — какъ общее правило — ликвидація строя, завѣщаннаго «поэтической» стадіей, весьма важно знать, какую роль она играетъ въ процессѣ перехода изъ этой стадіи въ слѣдующую.

Въ Англіи въ Революціи участвовали почти исключительно «джентльмены». Народъ былъ ирредставленъ «подмастерьями», нанятыми Парламентомъ въ армію, и сельскими свободными держателями, изъ которыхъ Кромвель составилъ свою «армію новаго образца». Эта армія была весьма немногочисленной. Англія XVII в. еще не изжила окончательно «поэтической» стадіи. Величество Короля пользовалось громаднымъ обаяніемъ даже у тѣхъ, которые съ нимъ сражались, -- собственно не съ нимъ, не съ самимъ Величествомъ, а съ «дурными совѣтниками Короля». Люди, встрѣчавшіеся съ плѣннымъ Королемъ, преклоняли предъ нимъ колѣни и просили его возложить на нихъ руки: возложеніе рукъ божьяго помазанника считалось средствомъ, помогавшимъ въ болѣзняхъ. Только въ 1647 году, на 7-омъ году гражданской войны, Джонъ Лилбернъ, въ своемъ «Народномъ Соглашеніи», развилъ въ обстоятельную политическую программу идею народовластія, коренившуюся въ пуританскомъ ученіи о Церкви, какъ демократической общинѣ вѣрующихъ. И только послѣ второй, «достопавной», Революціи Локкъ подвелъ подъ совершившійся фактъ идеологическое обоснованіе въ духѣ политической метафизики. Вытѣсненіе въ созна-

ніи старыхъ представленій новыми совершилось въ результатѣ революціоннаго эксперимента. Отчетливѣе всего эта смѣна міросозерцаній сказалась непосредственно вслѣдъ за казнью короля, когда на короткое время власть попала въ руки сектантовъ, энтузіастовъ и идеологовъ, увлеченныхъ мыслью обратить Англію въ «новаго Израиля», царство святыхъ. Но они оказались въ одиночествѣ. Джентльмены были имъ враждебны, народъ оставался пассивенъ. Прочнымъ итогомъ общихъ революцій явилось господство парламентской олигархіи. Метафизическое ученіе объ обществѣ послужило приличнымъ прикрытіемъ притязанія Парламента на всемогущество, имѣющее предѣломъ единственно законы естества; а различіе въ особѣ Величества двухъ вѣпостасей, «Короля въ Совѣтѣ» и «Короля въ Парламентѣ» содѣйствовало сохраненію традиціонной символики и традиціоннаго царскаго культа, ставшихъ безвредными, и только возвышавшихъ въ глазахъ народныхъ массъ престижъ Парламента.

Французская и русская революціи были дѣломъ интеллигенціи, поддержанной народомъ. Французская интеллигенція вошла въ метафизическую стадію значительно раньше 1789 года. Къ Революціи она была подготовлена идейно вполне. Ея идеаломъ была демократическая община, состоящая сплошь изъ Брутовъ и Сципіоновъ. И все же вначалѣ она и не думаетъ безповоротно разрывать съ прошлымъ. Въ первыя недѣли Революціи лозунгомъ является возрожденіе Франціи въ единеніи Кополя и Націи, возстановленіе исконной «неписанной конституціи» Франціи, одной изъ основъ которой считается королевская власть милостью Божьей. Лишь постепенно, «самопроизвольная анархія», охватившая Францію, о которой говоритъ Тэнъ, и рядъ недоразумѣній между Дворомъ и Штатами способствуютъ укорененію сознанія наличности конфликта между Націей и традиціонной властью. Послѣ бѣгства въ Вареннъ зарождается республиканская партія. Въ масонскихъ обществахъ, въ которыхъ объединяется французская интеллигенція, въ этихъ *sociétés de pensée*, какъ называетъ революціонныя организаціи ихъ послѣдній историкъ *), желая тѣмъ подчеркнуть ихъ отвлеченный, «интеллигентскій», характеръ, берутъ верхъ радикальныя тен-

*) Augustin Cochin, *Les Sociétés de Pensée et la Démocratie*, 1921.

денци. Мистика демократіи рождается изъ революціоннаго эксперимента. Въ процессѣ борьбы съ властью, абсолютной по милости Божьей, крѣпнеть переживаніе идеи Народа, какъ Суверена. Для осуществленія идеи народнаго верховенства пускается въ ходъ насиліе — надъ самимъ народомъ, моральное насиліе «общаго» мнѣнія и физическое насиліе.

Русская Революція 17-го года, возобновившая неудавшійся опытъ 1905 г., начала сразу съ провозглашенія идеи Народовластія. Не подлежитъ сомнѣнію, что Народъ съ самаго начала былъ съ революціонерами, не съ тѣми, которые Революціи противопоставляли «эволюцію». Но сказать только это *) еще недостаточно. Остается вопрросъ, съ какими революціонерами. Были революціонеры, кричавшіе «долой кадетовъ», «ни одного голоса кадетамъ», но съ отвращеніемъ относившіеся къ идеѣ физическаго насилія и возлагавшіе расчеты на «разумъ и совѣсть русскаго народа». Другіе революціонеры начали съ того, что убили Шингарева и Кокошкина и пошли по пути открытаго насилія надъ тѣмъ самымъ народомъ, ради освобожденія котораго они участвовали въ Революціи. И народъ, послѣ недолгаго колебанія, примкнулъ къ этимъ революціонерамъ. Въ ихъ власти, власти абсолютной, не признающей оспариванія, народъ увидѣлъ настоящую власть. Метафизическая концепція абсолютной, абсолютно-единой «общей воли» народу, не изжившему еще навыковъ «поэтическаго» міросозерцанія, все же ближе, нежели идея народовластія, основаннаго на началѣ дискуссіи. Тамъ, гдѣ демократія парламентскаго типа существуетъ только по имени, какъ это было въ Италіи, полуграмотной, нищей, до сихъ поръ еще въ сущности не жившей общенациональной жизнью, тамъ метафизическая концепція Націи можетъ восторжествовать надъ, казалось-бы, уже усвоенной позитивистической, — примѣръ чему мы видимъ въ той же Италіи. Фашистскій переворотъ былъ здѣсь народнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ уже существующей демократіи, — своего рода «обратной эволюціей», однако не «реакціей» въ общепринятомъ значеніи слова, т. е. не возстановленіемъ изжитыхъ формъ государственнаго

*) См. «Совр. Зап.» XXXVIII, возраженія М. В. Вишняка В. А. Маклакову.

и общественнаго быта. Въ фашизмѣ какъ нельзя лучше выявляется природа метафизическаго пониманія Государства и Націи. Если въ Революцію народъ мобилизуется противъ Власти руководящими общественными слоями, причемъ, въ процессѣ развитія Революціи, насиліе пускается въ ходъ противъ самого народа, то фашизмъ мобилизуетъ народъ не противъ конструировавшейся власти, а противъ тѣхъ элементовъ общества, которые могутъ стать властью. Фашизмъ исходитъ изъ факта существованія борющихся за власть партій, и онъ кладетъ конецъ режиму партій; но не тѣмъ, что онъ упраздняетъ партіи вообще, а тѣмъ, что онъ признаетъ право на существованіе за одной только партіей, — своей собственной. Метафизическая политика основана на отрицаніи партій: общая воля, согласно Руссо, обнаруживается тогда, когда каждый членъ суверена дѣйствуетъ и голосуетъ, прислушиваясь единственно къ голосу собственной совѣсти, не поддаваясь никакимъ партійнымъ воздѣйствіямъ. И въ то же время Руссо утверждаетъ, что «общая воля» это не то же самое, что «воля всѣхъ и каждого». Въ той стадіи культуры, когда Нація, ея «воля», ея идеалъ, ея культура мыслятся, какъ нѣчто разъ навсегда данное, не подлежащее перемѣнамъ, какъ «вещи», а не процессъ, фашизмъ есть единственное возможное разрѣшеніе руссоистской апоріи. Тѣ, которые знаютъ, какова должна быть «истинная» воля итальянскаго народа, тѣ, которые возвысились до пониманія итальянской «національной идеи», — только тѣ суть истинные итальянцы. Ихъ воля есть воля Италіи. Суверень «пребываетъ» въ нихъ. Фашизмъ есть, такъ сказать, стабилизированная и узаконенная Революція, принципъ насилія (въ этомъ отличіе фашистскаго режима отъ большевицкаго, который во всемъ остальномъ формально съ нимъ вполне сходенъ) положенъ фашистами въ основу конституціи, возводящей господство части надъ цѣлымъ, части, приравниваемой къ цѣлому, поскольку она представляетъ собою «умопостигаемое» цѣлое, — на степень правовой нормы.

Англійская Революція была возстаніемъ одной вѣтви суверена, воплощавшаго въ себѣ Націю, противъ другой. Въ коллектива, входившаго въ составъ правящаго слоя, въ Англии не было активныхъ общественныхъ элементовъ. Французская и русская Революціи были под-

няты домогавшимся власти обществомъ, привлечшимъ на свою сторону Народъ. Итальянская—дѣломъ оппозиціонной политической партіи, организовавшей народъ и создавшей изъ него партію. Въ Германіи индустриализмъ, урбанизмъ, долготѣняя практика всеобщаго избирательнаго права, организующая дѣятельность социаль-демократической партіи, привели къ тому, что Народа, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о французскомъ народѣ въ 1789 г. и о русскомъ въ 1905-1917, уже въ 1918г., можно сказать, не существовало. Не было въ Германіи и общества, въ смыслѣ организованнаго и сознательнаго цѣлаго, противостоящаго власти. Весь германскій народъ уже представлялъ изъ себя политическій «корпусъ», расчлененный на партіи Кайзеръ уже не былъ общенациональнымъ вождемъ. Для нѣмецкой социаль-демократіи онъ былъ лишь главою правящаго класса. Значительная часть нѣмецкаго народа до осени 1918 г. еще «вѣрила» въ Кайзера. Но это уже не былъ религиозный культъ. Нѣмцы вѣрили въ его государственную мудрость, его сознаніе отвѣтственности, его преданность Отечеству. Разочарованіе въ Кайзерѣ было, вѣроятно, тяжелой душевной драмой для очень и очень многихъ нѣмцевъ, но паденіе Кайзера не было тѣмъ революціоннымъ экспериментомъ, который обуславливаетъ собою нѣкоторый психологическій «сдвигъ», переходъ въ «инобытіе», въ новую стадію культурнаго развитія. Германія, пережившая сознаніемъ всѣ Революціи, потрясавшія Европу, отчасти и сама вовлекавшаяся въ нихъ, въ началѣ XX вѣка уже находилась въ послѣдней стадіи развитія Націи. Германская Революція была насиліемъ оппозиціонныхъ партій надъ правящими партіями. Но послѣ того какъ цѣль, ради которой было пушено въ ходъ насиліе, была достигнута, въ Германіи не было сдѣлано ни одной сколько-нибудь серьезной попытки стабилизировать революціонный режимъ — какъ это было въ Италіи и въ Россіи; ибо въ Германіи для этого не было психологической почвы. Результатомъ Революціи было введеніе парламентаризма въ его чистомъ видѣ. Всякая Революція — какъ и вообще всякое историческое событіе — есть случайность; ибо столкновения великихъ историческихъ силъ никогда не являются результатомъ абсолютно имманентнаго развитія: во всякой комбинаціи силъ мы различаемъ силы «внутреннія» и «внѣшнія». Но

германская Революція была въ неизмѣримо большей степени вызвана дѣйствиємъ «внѣшнихъ» по отношенію къ національному развитію силъ, нежели какая-либо иная. Германская революція была въ большей степени «случайностью», нежели англійская, французская и даже русская. Выдающійся нѣмецкій соціологъ Ледереръ *) опредѣляетъ Революцію, какъ сочетаніе внутренне - противорѣчивыхъ началъ Идеи и Насилія. Революція есть опытъ осуществленія Идеи черезъ Насиліе. Насиліе въ Революцію пускается въ ходъ именно носителями н о в о й Идеи, революціонерами. Для германской Революціи характерно какъ разъ то, что насиліе было употреблено во время ея въ гораздо большей степени противъ революціонеровъ, нежели противъ силъ, Революціи (новой идеѣ) противодѣйствовавшихъ. Во всякомъ случаѣ Шейдеманъ и Носке перестали быть революціонерами непосредственно послѣ отреченія Вильгельма. Если принять опредѣленіе Ледерера, то придется признать, что въ Германіи революціи — не было. Формула Ледерера имѣетъ значеніе эмпирическаго обобщенія. Она вѣрна для большей части великихъ національныхъ Революцій, поскольку тѣ изъ нихъ, которыя происходили съ извѣстной закономѣрностью (въ отличіе отъ «случайной» германской), были, дѣйствительно, столкновениями несогласуемыхъ — ибо относящихся къ различнымъ стадіямъ развитія Духа— міросозерцаній и Идеаловъ и притомъ именно такихъ, которые по самому своему свойству не терпятъ взаимныхъ компромиссовъ. Революція — подчеркиваю снова, что рѣчь идетъ о національной революціи, Революціи, какъ переходѣ Націи изъ одной формы бытія въ другую — есть не только цѣль извѣстныхъ специфическаго характера «событій»: Революція есть особый режимъ. Этотъ режимъ свойственъ одной опредѣленной стадіи національнаго развитія — метафизической. Опредѣленіе Ледерера, такимъ образомъ, должно быть вмѣстѣ и ограничено и расширено. Не всегда наиболѣе характерной чертой Революціи является насиліе ради идеи — и эта послѣдняя черта присуща не только революціоннымъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, режимамъ.

*) Emil Lederer, Einige Gedanken zur Soziologie der Revolutionen, 1918.

Критики современной Демократіи нерѣдко указываютъ, что режимъ Демократіи по существу мало чѣмъ разнится отъ революціоннаго: и тамъ и тутъ править меньшинство. Большинство и въ Демократіи не имѣетъ собственной воли; и тутъ его воля подвергается насилию. Но только тутъ это насиліе скрытое — насиліе такъ называемаго «общественнаго мнѣнія». Въ Революцію меньшинство «воздѣйствуетъ» на большинство гильотиной, «стѣнкой» и т. п. Въ Демократіи — внушеніемъ, подчасъ комбинированнымъ съ простымъ обманомъ. При этомъ, однако, упускается изъ виду одно, существеннѣйшее, различіе: въ Демократіи власть какъ-никакъ отвѣтственна. Бріанъ недавно напомнилъ тѣмъ, кто въ Палатѣ вопилъ противъ ратификаціи соглашенія съ Америкой о французскомъ долгѣ, ссылаясь на враждебное соглашенію «общественное мнѣніе», что имъ придется считаться съ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое дастъ себя знать тогда, когда обнаружатся практическія послѣдствія отказа отъ ратификаціи. Эта боязнь отвѣтственности опредѣляетъ собою поведеніе партій въ Демократіи. Партія носителей Идеи предпочитаетъ пребывать въ оппозиціи, предоставляя власть «оппортунистамъ»; или же, если она принимаетъ власть, то на время управленія отъ Идеи отказывается, кладетъ ее подъ сукно.

Для каждой стадіи эволюціи Націи характерна одна опредѣленная политическая форма. Сущность каждой формы опредѣляется присущимъ ей одной отношеніемъ къ Идеѣ, всегда трагичнымъ, въ каждой стадіи на особый ладъ. Въ Царствѣ Идея осуществляется въ системѣ символовъ и въ концѣ концовъ костенѣетъ въ обезсмысленной обрядности, впадаетъ въ состояніе склероза. Въ режимѣ Революціи — открытой или «стабилизированной» (фашизмъ) — Идея осуществляется путемъ насилія, т. е. переходитъ въ свое собственное отрицаніе. Въ Демократіи Идея приспособляется къ обстоятельствамъ, умаляется, тускнѣетъ, или, будучи постоянно «откладываема», въ концѣ концовъ забывается, перестаетъ быть движущей силой. Невозможность реализоваться всецѣло есть свойство, присущее идеѣ, какъ таковой. Нація есть Культура, т. е. Идея, т. е. вѣчное творческое становленіе — и ни въ какомъ политическомъ оформленіи она не можетъ осуществиться вполне и разъ навсегда.

П. Бицилли.